

В это замкнутое пространство с удушливым запахом пыли, старых вещей и человеческой плоти она угодила ещё до захода солнца. Кажалось, с первыми лучами нового дня выход из него был найден, но невидимое препятствие встало на пути, разграничив пустоту, оно не пускало к свету. На мгновение она замерла, будто пытаясь угадать правильное направление. Её усики на голове чуть дрогнули, и она вновь закружилась в изящном танце, словно ощупывая вокруг себя пространство. Сделав заключительный крутой пируэт, оса на мгновение замерла. В нетерпении она взмыла вверх и вот уже в который раз, зло жужжа, врезалась в солнечный свет. Теперь он не был напоен дыханием луговых трав, дурманом цветов и тем нежным приторным ароматом вязкого нектара, который завлёл её в эту западню. Без этих запахов свет казался стерильным. Оса затихла, набираясь сил. Полосатое брюшко небесного убийцы нервно подрагивало на слепой поверхности света, будто пытаясь ужалить невидимого врага. Свет манил её, подсказывал направление домой, но правильной дороги оса отыскать не могла.

– Ну надо же, ещё одна! Откуда только берутся?! Вот уж действительно – мёдом намазано, – дед Семён отложил в сторону очки, аккуратно, чтобы не помять портрет нового хозяина Кремля, согнул только что прочитанные «Аргументы» вчетверо – до нужной упругости газетных листов, приоткрыл пошире форточку и, подпихнув под мохнатое брюшко осы газету, смахнул её на улицу. – Надо бы крышки на банках воском залить, а то от этих ос никакого покоя.

Дед заглянул под кровать убедиться, хорошо ли вчера расставил банки с мёдом. Кряхтя, выпрямил спину, снова развернул газету, в который раз рассматривая фото с надписью под ним «Б. Н. Ельцин».

– Да-а, – задумчиво протянул дед Семён, – вот так же и люди; бывает, всё бегают по белу свету, чего-то ищут, мыкаются, будто котят

слепые, в поисках своего, с ума сходят; от судьбы своей скрываются... А она вон где, рядом, – он махнул газетой в сторону окошка, – только поширше открой зенки свои – и на свободе.

С недавних пор ему нравилось говорить с самим собой.

Вчера деду Семёну внук привёз бидончик мёда. Деревня Елино, где он жил в сезоны заготовки мёда, находилась в шестидесяти километрах ниже по реке от дедовой деревни Листвянки. Дорога туда даже для «уазика» прижимистого внука не всегда была проходимой – опять же, бензин... Виделись они редко.

«Не за зря Стёпка ко мне наведался, – думал дед Семён, принимая от неожиданного гостя бидончик, – что-то выведать хочет, делец. Неужто бабий трёп уже до Елина дошёл? Может, Алексей чего сболтнул спяну?» – гадал он.

Объектом бабьего пристального внимания дед Семён стал совсем недавно. Много ходило кривотолков по сибирской деревушке о его походах в тайгу. Одна небылица сменяла другую. Дед всё молчал – только улыбнётся очередной байке, услышанной вполуха. И Лёху, помощника своего, он заподозрил понапрасну – в тайге всегда глаз хватает. В этих краях всем известно: человек и зверь – каждый своею тропкой шагает. Незачем виду показывать, особенно, когда человека встретишь: нету зверя страшнее, чем он... Кто ведает, что несёт путник в себе? Как тяжела его ноша? На то она и тайга – человек здесь меняется: сбрасывает маски, как змея весной кожу, становится самим собой. Всякого повидала тайга: жадность, трусость, зависть, досаду по утраченным мечтам и обиды прошлого. Прибирала потом за людьми, прятала следы слабости их и злобы, прикрывала хвоей да сучьями, приводила падальщиков на кровавое пиршество. Каких только басен в деревне про деда Семена не плели! Целую историю насочиняли! Судачил в деревне и стар и млад, а было ли, не было, в точности никто не знал. Лёха молчал как партизан. Болтали, будто видел деда охотник один с дальней заимки. Рассказывали, что было это на речке Змеёвке у заброшенной базы «Сибпромохота»...

Всё случилось этой весной. Как только стаял снег, все деревенские отправились в тайгу резать колбу. Уходили на полдня. Самые выносливые возвращались под вечер, волоча на себе рюкзаки, корзинки, ведра, набитые луком – победным и первым таёжным первоцветом – кандыками и ветреницами. Весной ни один стол сибиряка без колбы не обходится. Её добавляют в окрошку, в салаты, едят просто со сметаной, приправляют к шашлыку, солят на зиму, маринуют... Самые предприимчивые ещё успевают продать ленивым фирмачам пучок-другой, разложив свой нехитрый товар вдоль трасс. Молодёжь облюбовывает пригретые весенним солнцем полянки, и, пока собирается окрест колба – «на закусь», в стеклянные банки бодрой струйкой из полого стебля камыша или обломка шариковой ручки, вставленных в берёзу, стекает сок – «на запивку». У каждого сборщика этой таёжной травы есть свои заветные места. Было такое местечко и у Семёна Пантелеймоновича Семёнова – Семёнчика, как называли его в деревне. Туда и хаживал он так часто, как только ноги носили.

Семёнчик – невысокого роста, жилистый старик с не по летам сильными еще мозолистыми руками. Старуха его умерла пять лет назад. После её смерти потемнело его прежде улыбчивое лицо,

как-то сразу расплылись тёмными пятнами веснушки. Плечи опустились, повисли, налились тяжестью руки. Всегда охочий перемолвиться словом, он теперь по большей части на людях молчал: пробубнит что-то себе под нос на приветствие, даже не взглянет. Пёс Умка – и тот приуныл. Давно никто не слышал его звонкого лая на вечерней переключке дворовых собак. Бывало, выйдет из будки, твякнет о чём-то своём, собачьем, гроыхнёт цепью и назад – морду высунет да так и лежит целый день. Уходил Семёнчик в тайгу ненадолго и всегда старался вернуться засветло. Отвяжет пританцовывающего Умку, махнет рукой дремлющей на солнышке соседке, мол, привет, Никитична, поправит старенькое ружьё за спиной, закроет на крючок калитку – и в тайгу. Солнце – в зените, а Семёнчик уже скрипит калиткой: бывай, мол, Никитична...

Дремлющая в дозоре у своего забора соседка встревожилась сразу же, как только в первый вечер не заметила привычного подрагивания электрического света за обтерханнкими, посеревшими от времени занавесками в окнах Семёнчика. Пару минут Никитична напряженно всматривалась в тёмную глыбу дома, в глазницы окон с покосившимися раззявленными ставнями. Её подбородок мелко затрясся от тревоги, она с трудом встала и, шамкая впалым ртом, пошаркала к забору. Ухватившись обеими руками за штакетник, Никитична скрипучим голосом покликнула в темноту двора:

– Семёнчик, слышь, что ли?

Придерживаясь рукой за забор, она заглянула во двор, пытаясь рассмотреть нежилую сторону дома, куда после смерти своей старухи дед уже не хаживал. Дом молчал. Старуха вернулась к калитке.

Позвала:

– Умка! – Рядом с осиротелой будкой недвижно лежала железная змея цепи.

Старуха снова огляделась – ни души. Когда-то их с Семёнчиком дома стояли в самом центре деревни. Теперь к ним на косогор вела одна-единственная тропка.

Внизу, в струях тумана, заглотившего улицы одну за другой, перемигивались окнами старые приземистые домики, будто передавая друг другу на расстоянии свежие сплетни. В густом, щедром на весенние таёжные запахи воздухе, слышалось жужжанье уже проснувшихся ос, мух, покрикивали лесные птицы. Никитична посмотрела на тропку, круто ведущую вниз, вздохнула. «Может, к внуку своему подался? – подумала она. – Вот и Умки нет». Подул холодный ветерок. Соседка поправила на сгорбленных плечах телогрейку и решила оставить всё как есть до утра.

Утром, когда уже собиралась бежать к участковому, Никитична услышала привычный скрип калитки возле дома напротив. Она хотела было расспросить Семёнчика, что да как, но, пока обдумывала, как подойти к нелюдимому соседу, крючок с легким дребезжанием упал в ушко на створке. Умка занял пост у будки, а входная дверь в дом гулко хлопнула. С того времени Семёнчик стал часто уходить в тайгу на два-три дня. Дед сильно изменился – шагал по улице загорелый, подтянутый, на плече – лопата, глядел по сторонам – физиономия рыжей щетиной топорщится. В глазах – огоньки шальные,

будто знает чего-то, но уж точно не скажет никому. Рядом Умка голосит – соседских собак дразнит. Что за чудо?!

«К полюбовнице, наверное, шастает на болота», – судачили старухи.

В тот самый день, когда Семёнчик в первый раз не вернулся домой, переполюбошив Никитичну, он, по обыкновению, пошёл на своё место собирать колбу. Но, задумавшись о чем-то по дороге, заплутал. Очнулся уже на зимнике. «Тьфу ты! – в голос ругнулся дед. – Занесла же меня нелёгкая в этакую даль! Ты бы хоть тьякнул, что ли, – сердито посмотрел он на вилявшую хвостом собаку. – Теперь домой успеть бы засветло». Но тут Семёнчик вспомнил, что дорога эта вела на заброшенную базу треста «Сибпромохота». Когда-то трест активно занимался сбором ягод и дикорастущих растений. Он помнил, как ещё мальчишками они бегали по этой дороге, чтобы посмотреть, как возводятся корпуса. В юности Семёнчик даже успел поработать на ней помощником мастера. В середине девяностых трест обанкротился, а его имущество ушло с молотка. Остались лишь никому не нужные стены конторы и хранилища как памятник перестройке.

До базы было рукой подать. В том месте речушка Змеевка делала ещё один причудливый поворот. Её так и назвали за то, что прямых мест в ней раз-два и обчёлся – кружила она по тайге серебряной змейкой туда-сюда. Звонко бежит между болотцами и озёрками, озорно перекатывается по пихтачам и ельникам. Такая речка – беда для путешественников. Держишься её левого берега, глянь – а она уже справа бежит. Наверное, и с дедом Семёном она сыграла недобрую шутку – погруженного в свои мысли, завела его подальше от заветного пихтача, будто жаль стало ей для деда таёжного лука. А ещё, как на грех, ружьишко своё дома оставил... Поразмыслив, дед решил переждать ночь на старой базе: «Пойдём, Умка. Знать, судьба нам ночевать в тайге. Авось обойдётся!»

Лес кончился неожиданно. На Семёнчика уставилась своими осиротелыми проёмами окон контора треста «Сибпромохота». Солнце уже касалось верхушек деревьев, вечерело, надо было готовиться к ночлегу. По дороге Семёнчик плотно набил рюкзак хворостом и, увидев под ногами подходящую деревину, схватив её за один край, поволок к месту будущего ночлега.

Асфальтовая дорожка, ведущая от решетчатых ворот вдоль покосившегося, наполовину сгнившего забора со следами отколупывающейся зелёной краски, заросла травой. Всюду валялись ржавые железки, болты, гайки, куски труб, согнутая в диковинные клубки проволока и всякий другой хлам, указывающий на полное запустение некогда процветающего предприятия. На первом этаже конторы когда-то находился гараж. Теперь сорванные с петель железные ворота валялись неподалеку от входа. «Черметовцы орудовали, – догадался дед Семён. – Как же они собирались вывезти такую громадину? Чудно!» Оставив рюкзак и деревину в гараже, он решил сделать ещё одну ходку за дровами. Острым охотничьим ножом нарезал лапника, поверх уложил толстую сухую ветку, хорошенько стянул один край ремнём и, ухватив за свободный край, поволок своё будущее лесное ложе в гараж. Уже на самом выходе из тайги, у глухого распада, Семёнчик приметил зелёную щетину колбы. «А вот и ужин!» – довольно думал он, когда аккуратно срезал зелёные побеги и набивал ими карманы куртки. Возле гаража Умка, крутившийся всё время рядом, вдруг насторожился, в глотке у него глухо заклокотало, но в голос не залаял. Он с тревогой смотрел туда, где тёмная лента реки,

тянувшаяся прямо около километра, делала крутой поворот, скрывалась из виду. Дед Семён знал своего пса – Умка понапрасну тревожиться не станет. «Эх, ружьишко дома оставил...» – пронеслось у него в голове.

Через пару минут и до Семёнчика долетел низкий ровный звук. Что это?.. Из-за облаков вынырнул самолёт и, всё быстрее и быстрее увеличиваясь в размерах, стал приближаться к полуразрушенным постройкам «Сибпромохоты». Умка, приподнявшись на задние лапы, звонко, заливисто залаял. Выйдя из оцепенения, Семёнчик, повинувшись какому-то бессознательному внутреннему порыву, махнул крылатой машине. Темный силуэт самолета развернулся в воздухе и пошел на разворот. Снова зайдя в створ реки, машина стала снижаться. Почти задевая шасси верхушки деревьев, она долетела до начала плато и, нырнув вниз, коснулась темно-бурых плит каменистой поверхности пляжа, которые тянулись вдоль правого берега речки.

Из-под колёс взметнулось облачко пыли, двигатель надрывно взревел, и, замедлив ход, винтокрылая машина покатила вдоль речки в сторону базы. Забор в том месте уже окончательно сгнил, щерясь в небо редкими столбами пролётов, и Семёнчик мог видеть, как из кабины военного самолёта (именно военного!) вылез лётчик в кожаной куртке и шлеме. Спрыгнув на землю, он жестом подозвал остолбеневшего деда. Семёнчик не сомневался – перед ним стоял военный истребитель времён Второй мировой войны! Уж он-то насмотрелся этой техники на ремонтных площадках! В тот военный год их семья жила в Красноярске. Отец Семёна, Пантелеймон, был механиком, как говорится, от бога, мать сутками пропадала в госпитале, вот и болтался пятилетний Сёма то в госпитале, то на ремонтной площадке.

Там и приклеилось к нему на всю жизнь ласковое «Семёнчик». Ремонтники то и дело подзывали: «Семёнчик, принеси это! Семёнчик, подай то!»

Тогда основной американской машиной, идущей на фронт, был истребитель Aircobra, или просто «кобра», как её называли летчики. Самолёт неплохо себя зарекомендовал в бою, но к русским морозам был совсем не готов. Вот и приходилось ремонтникам в Красноярске адаптировать машину к российским широтам: меняли непригодную для студёной погоды резину, заморские антиобледенители на наши – морозоустойчивые, да трубки покрепче ставили... Некоторые лючки на «кобре» были настолько малы, что в рукавице только детская ручонка и могла пролезть, а без рукавиц работать было невозможно – пальцы на морозе мигом деревенели. Вот и намёрзся тогда маленький Сёма, помогая взрослым, чем мог.

Именно туда по Красноярской воздушной трассе Уэлькаль – Сеймчан – Якутск – Киренск – Красноярск перегоняли американские самолёты наши пилоты по договору союзных государств. Там в короткие минуты отдыха механики передавали услышанные от летчиков истории об опасных, а подчас и гибельных перелётах через Черский и Верхоянский хребты, Оймякон, где самым страшным врагом наших асов были лютые морозы. Рассказывали, к примеру, про летчика Терентьева, как-то у Верхоянского хребта у его «кобры» отказал двигатель. Так вот, он сумел посадить машину в непроходимой тайге прямо на речку. Говорят, если бы не олениводы – так замёрз бы. Накрепко засела в памяти маленького Семёнчика услышанная история, часто он представлял себе этого Терентьева, а по ночам и сам вместе с ним героически сажал «кобру» в лесу и встречался с олениводами.

Чего только ни передумал, чего только ни припомнил дед Семёнчик, пока приближался к истребителю, заодно и себя в очередной раз поругивал, что оставил дома ружьё. Потом и вовсе успокаивал себя, что самолет, дескать, принадлежит какому-нибудь историко-патриотическому клубу, да неопытный пилот заблудился. Дед не раз видел телепередачи с такими игровыми баталиями, когда участники, переодевшись в форму солдат разных эпох, а то и вовсе облачившись в латы, ходили стенка на стенку. Ну дети детьми! Чем только народ себя ни развлекает! Их бы удаль да на сенокосе... А самолет-то с каждым шагом становился всё ближе и ближе – пилота уже разглядеть можно. Что-то подсказывало деду: всё, чем он себя только что успокаивал, – выдумки. Настороженная поза, расстегнутая кобура, нервно подрагивающие кончики пальцев у рукояти пистолета, подозрительный взгляд усталых цепких глаз выдавали сильное напряжение человека.

Как ни старался Семёнчик идти твёрдо, колени его предательски подрагивали. Чую недоброе, вытянув вперед смолянистую морду с белым «бланшем» под правым глазом, будто перед ним добыча, рядом опасливо шёл Умка. Истребитель картинкой из далёкого военного детства лачил глаза свежей краской. Нос самолёта опирался на длинную тоненькую стойку и в сгущающихся сумерках напоминал неуклюжего гигантского таёжного комара, впившегося жалом в камень.

- Лейтенант Терентьев, лётчик, – первым представился пилот.
- Дед Семён, танкист, – вспомнил Семёнчик былые армейские годы и даже как-то приободрился.
- Шутник ты, отец, – чуть улыбнулся лейтенант, – в русско-японскую танков еще не было.

После крепкого рукопожатия он как-то сразу обмяк – усталость взяла своё, снял шлем, обтер рукавом взмокший лоб.

– Совсем вымотал меня Верхоянский, двигатель забарахлил, думал, всё – конец. А тут гляжу: полосочка вдоль речки, что надо – ровная, гладкая. У этого коня чуть что – нога передняя подламывается, а сейчас ничего, выдержал. – Лейтенант ласково посмотрел на «комариное жало».

- Населённый пункт далеко?
- Да как сказать? – замялся Семёнчик. – Если вдоль реки – одно дело. Напрямки, через чащу – другое.
- По карте показать сможешь?
- Чего же не смочь. – Нижняя губа Семёна обидчиво оттопырилась. Лейтенант снял планшет, развернул карту.
- Вот здесь, – дед уверенно ткнул пальцем и, немного поколебавшись, заглянул лётчику в глаза:
- А ты откуда, сынок? – от былой настороженности деда, казалось, не осталось и следа.

– Бдительность проявляешь, отец? Правильно. Время сейчас такое. Посветить есть чем? – Лётчик зачем-то расстегнул нагрудный карман.

- Я сейчас костёр налажу – холодно уже, – засуетился дед.
- И то верно, заодно поужинаем. Как тут у вас с продуктами?
- Да есть маленько. – Семёнчик вспомнил о краюхе хлеба на дне рюкзака и душистом сале, предусмотрительно захваченных на всякий случай. С колбой это уже деликатес! Он в предвкушении вытащил из кармана добрый пучок таежного лука.

– Ничего, отец, – увлажнившиеся глаза лейтенанта вдруг загорелись ненавистью.

Он смотрел, как на западе зарево цвета киновари уже залило своим огнём пики вековых деревьев, и отблески этого пожара трепетали в его глазах.

– Разобьём фашистов – заживём! – всё больше распался пилот. – За всё ответят сволочи! За товарищей, что в тайге лежат, за то, что вы тут травой питаетесь, за всё! – Пилот сжал кулак и угрожающе потряс им в воздухе.

«Нет, на любителя не похож, – подумал дед, – слишком натурально играет».

– Тебе там сверху виднее, сынок, когда войне-то конец? – решил подыграть дед, чтобы мысленно выдать окончательный диагноз заигравшемуся «лейтенанту».

– Скоро, отец, скоро. От американских лётчиков я слышал, что вот-вот второй фронт откроется.

Дед почесал затылок. Глянул на новенький истребитель, потом на лётчика, задержал взгляд на Умке и махнул рукой:

– Шут с ним, пойдём ужинать, – и про себя добавил: «Поедим – увидим».

– Ради такого дела отведаем «второго фронта», – лётчик подмигнул, запрыгнул на крыло и, перегнувшись в кабину машины, покопался в своих вещах.

– Держи, дед! Чёрт с ним – с этим НЗ. – Он кинул вниз какой-то темный предмет.

Семён ловко поймал его и обомлел. В лучах заходящего солнца ещё можно было разглядеть на поблескивающей желтоватой поверхности жестяной банки надпись: «Свиная тушенка», ниже шли какие-то письма на английском. Семёнчик их не понял, а в самом низу, возле самого доньшка банки – уж никак не ошибиться – было выбито: New York, N. Y. Семёнчик узнал её: точно такую же банку американской тушенки он как-то получил в свой день рождения от одного лётчика-истребителя на ремонтной площадке в Красноярске зимой сорок третьего года. Он уже не помнил, какая на вкус была тушенка, но блестящая банка с надписями на русском и английском языках ещё долго стояла на полке, напоминая ему о военном детстве. Дед зачарованно смотрел на банку. Лейтенант что-то эмоционально рассказывал, шагая взад-вперед рядом с оглушенным таким совпадением Семёнчиком, но тот его будто бы и не слышал.

– ...Скажи там у вас в сельсовете, так, мол, и так, пусть людьми обеспечат, – потряс его за плечо пилот.

– Что? – встрепенулся Семёнчик.

– Я говорю: людей бы сюда, чтобы пляжную полосу подровняли. Мало ли что. Мне вот повезло – приземлился. А я своим доложу, что есть на экстренный случай запасная полоса. Ну, договорились?

– Угу.

– Хворост имеется? – лётчик потряс коробком со спичками.

– Угу, – задумчиво ответил дед и вытряхнул из рюкзака хворост. Он взял протянутый в темноте коробок – на этикетке нарисованный истребитель с красными звездами преследовал горящий самолёт со свастикой. Привычным движением Семёнчик достал спичку и чиркнул о шероховатую поверхность серы. Спичка вспыхнула. Вдруг порыв ветра загасил огонь. Дед, наконец, решился: он чиркнул снова и полуласково, участливо спросил:

– А скажи-ка, мил человек, какой сегодня, по-твоему, год?

Семёнчик поднял спичку так, чтобы в сумерках можно было разглядеть лицо напротив. Никого не было. Дед вышел из гаража, огляделся – никого.

– Что за чертовщина?! – прошептал он пересохшими губами.

– Солдатик! – жалобно позвал он в темноту.

Тишина.

Он глянул на речку, и неприятный холодок пробежал у него по спине. В наступившей темноте ещё можно было разглядеть, что никакого самолёта там не было – даже следов. Речка была, черная стена тайги по-прежнему прикрывала пляж, где еще недавно стоял истребитель, но сама машина как в воду канула. Семёнчик, в глубине души сожалея о своём партийном прошлом, три раза выразительно перекрестился:

– Царица небесная, спаси и сохрани!

Всю ночь дед не сомкнул глаз. Полная луна присматривала за Семёном огромным жёлтым глазом, заливая серебром ровную дорожку пляжа. А дед палил деревину, и ему мерещилась всякая нечисть: то тень отделится от деревьев на том берегу реки, то сама река вдруг оживет причудливыми тварями, то вскрикнет в тайге кто-то жалобно. Умка тоже не спал. Отойдёт от костра недалеко, прислушается, мордой поводит – запахов тревожных соберет и – назад, к огню, под защиту хозяина. С первыми лучами Семен засобирался в обратный путь. Только дома, плотно закрыв за собой дверь и зашторив окна, он заглянул в рюкзак. Вынуть банку сразу не решился, всё ощупывал, рассматривал в темной утробе рюкзака, словно не верил холодку под пальцами, а потом, вытащив банку с тушенкой на свет божий, постановил по центру стола и долго глядел на нее.

– Хорошо, – сказал он, наконец, сам себе, – посмотрим.

На следующее утро Семёнчик был во всеоружии. В рюкзаке уже лежала нехитрая снедь с расчетом на три дня, коробка с патронами, тёплый свитер и другие нужные в тайге вещи. Задержавшись в сенях, дед выхватил из груды сложенных в углу огородных инструментов лопату, возле крыльца отвязал радостно прыгающего Умку.

– Где пропал, Семёнчик? Я вчерась уж хотела к участковому идти, – окликнула возле калитки соседка Никитична.

– Ты лучше приставь его к Лёхе, внуку своему. Опять рулады ночью под окнами выводил, – отрезал дед, пресекая расспросы.

Крючок на калитке брякнул, и хозяин, не оборачиваясь, поспешил в сторону леса – Умка не отставал. Теперь дед шёл короткой дорогой и к полудню был на месте. Набрал хвороста, наломал ещё лапника, оборудовал место для ночлега и стал ждать. Самолёт появился неожиданно, как и накануне. Махнув звёздными крыльями, пошёл на посадку. Притулив в угол ружьё, Семёнчик теперь сам вышел навстречу лётчику.

– Лейтенант Терентьев, лётчик, – первым снова представился пилот, будто и не виделись они вчера.

Тот же тревожный взгляд, нервные пальцы у кобуры...

Семёнчик тоже представился.

– Что за строения? – поинтересовался лётчик.

– Да вот... Охраняю, – уклончиво сказал дед.

Пошли к кострищу, разговорились: «Вот – второй фронт... Надо бы полосу подготовить... Хворост есть?». Семенчик добросовестно отвечал на все вчерашние вопросы, внимательно слушал будто заученную

речь пилота о пригодности полосы. А в полночь сказочной Золушкой снова исчезли и летчик, и самолёт.

К середине июня в кухне на столе у Семёнчика красовались пятнадцать банок американской тушенки и пятнадцать неполных коробков спичек. Дед Семён всё так же исправно ходил в тайгу, счищал лопатой мох с каменистой поверхности пляжа, срезал кусты, встречал самолёт. Он давно перестал терзать себя вопросами и разными думами: что за самолёт, откуда он берётся, кто такой этот лётчик Терентьев? Всё равно ничего не надумаешь. Работы было много, и дед, как когда-то маленький Сёма, так же помогал своим. Вновь после смерти своей старухи он радовался жизни, ему нравилось встречать самолёт, «удивляться» второму фронту и даже слушать заезженную речь пилота. Дед как-то попытался сменить тему разговора, но лётчик словно не слышал Семёна, гнул своё: надо, мол, полосу делать – и всё тут. И Семёнчик делал. Только вот силы у него были уже не те. Это раньше, в молодости, он мог на себе целые небольшие стволы деревьев таскать. Теперь же ему нужен был помощник, чтобы свалить пару пихт. Работника следовало подобрать неболтливого и в руках чтобы сила была – не на прогулку идти. После недолгих раздумий выбор пал на Лёху-десантника – внука Никитичны. Было ему под тридцать. Лёха этот после армии в город подался, в деревне говорили, что там на него то ли братки наехали, то ли он сам в братках ходил. В общем, сбежал он из города от кого-то – может, от властей, а может, от бандитов. История тёмная, но Семёнчика не это заботило. Лёха сильно пил. Бывало, вечером начнёт песни орать – спасу нет. Утром ходит по дворам – работу ищет, где за деньги, где за пол-литру, а вечером снова заводит «Ан-12 набирает высоту», и под конец песни какой-то паренёк, «не найдя купола над головой», в очередной раз разбивался насмерть. Последний куплет всегда шел вперемешку с рыданиями Лёхи и диким воем Буяна, собаки Никитичны.

– Ну что, пихту завалить сможешь? – спросил дед Лёху.

– Для тебя, дед, хоть слона завалю, – Лёха возвращался с халтуры и был навеселе. – Я, Семёнчик, всегда правофланговым был. – Двухметровый детина самодовольно улыбнулся и сильнее заломил на голове замазанный голубой берет.

– Ты сегодня свою шарманку не заводил бы...

– Какую еще шарманку? – мутные глаза Лёхи подозрительно уставились на соседа.

– Ту, из-за которой десантник всё падает да никак разбиться не может. Выспаться надо. Пойдём спозаранок.

Наутро изрядно помятый Лёха зашёл к Семёнчику.

– Дед, аванец бы мне...

– Какой ещё «аванец»? – сурово поднял бровь Семёнчик.

– Граммов сто...

– Ничего, на месте опохмелишься, гвардеец. Жди меня во дворе, – дед был непреклонен.

Перед выходом Семёнчик открыл шкаф в спальне, извлёк из-под всякого тряпичного хлама огромную бутылку с коричневатой жидкостью, с усилием вытащил пробку, поморщился от самогонных паров, ударивших в нос и, наполнив жидкостью поллитровку, сунул её в рюкзак.

Всю дорогу Лёха молчал. На его красном от ночного веселья, взмокшем лице были видны следы похмельных страданий. Он плёлся, плохо разбирая дорогу, тяжело дышал перегаром в спину Семёнчику. К базе вышли, как говорится, по графику – как планировал дед.

– Не томи, Семёнчик, – заскулил Лёха, мешком рухнув на лапник в гараже, и жалобно поглядел на деда.

Тот неторопливо развязал рюкзак, достал бутылку.

– Смотри, Лёша, – деловито предупредил дед, кивая на пузырь, – эта штука очень сурьёзная – я сам гнал и на травках нужных выстаивал. От неё таких правофланговых вытягивало, не чета тебе.

– Не переживай. Здесь всего тридцать три «булька». Я и не столько держал. – Лёха с силой дунул в граненый стакан и честно, бульками, отмерил сто граммов.

– Смотри, как бы к вечеру к тебе твой «десантник» не прилетел. – Семёнчик хитро улыбнулся: кто поверит пьяному Лёхе, что он самолет видел в тайге?!

Дело заспорилось. Лёхин тельник мелькал повсюду: хворост собрать, дров нарубить, пихту завалить, кусты кое-где подрезать. К вечеру всё было готово. Каменистое плато теперь было не узнать – снова ровная, как доска, полоса.

– Семёнчик, для чего тебе это? – Лёха махнул свободной от стакана рукой в сторону полосы.

– Пил бы ты меньше, Лёша, – переменял тему дед, избегая объяснений.

Лёха опрокинул в глотку содержимое стакана, крикнул и потянулся к закуске. В то же мгновение над тайгой появился самолёт. Лёхина рука так и застыла в воздухе, не дотянувшись до куска сала. Махнув крылом, «кобра» пошла на второй круг. Лёха, сидя с открытым ртом, ткнул пальцем в самолёт, только что севший на полосу, и что-то промычал.

– Я предупреждал тебя, Алексей, – строго сказал Семёнчик и направился к самолёту.

Поздоровались. Дед получил очередной гостинец. Пошли к гаражу. Всё как обычно, да не совсем. Вдруг пилот сказал Семёнчику:

– Хорошая полоса получилась, спасибо, отец. Может, и к награде тебя представят. Теперь можно садиться.

– Кому садиться? – дед, надеясь, что сейчас ему скажут что-то важное, затаил дыхание, ловя каждое слово.

Лётчик тряхнул головой, словно сбрасывая с себя какое-то оцепенение, но вместо ответа дед услышал:

– Хворост имеется? – И очередной коробок лег в грязноватую мозолистую ладонь Семёнчика.

В сторонке, затаившись, на куче мусора сидел Лёха, сверкая из темного угла белками глаз. Он с недоумением уставился на человека в кожаной куртке, а тот, в свою очередь, сурово зыркнув на верзилу в изодранной тельняшке, ткнул в него пальцем, словно с плаката времён Отечественной войны, и грозно спросил:

– Дезертир?

– Контуженный он на всю голову, – беззаботно махнул рукой дед на Лёху и опустил глаза, – комиссовали недавно. Вот вожусь теперь.

По тому, как Лёха удивленно вскрикнул, закрывая лицо руками, будто защищаясь от удара, Семёнчик понял, что пилот снова растворился в воздухе.

– Налить ещё? – ухмыляясь, улыбнулся дед, протягивая на четверть наполненную бутылку.

Лёха испуганно замычал.

– А я тебя предупрежда-ал – сурьёзная штука! – назидательно протянул дед, а затем опытным глазом отмерил в стакан сто грамм и залпом выпил. Семёнчик был доволен. И не столько его радовало, что лёгчик посулил ему награду (зачем она ему?), сколько радостно было от того, что он смог помочь своим, как в детстве, когда в замерзших ладошках держал стылый инструмент, когда бежал встречать каждый самолёт, с завистью глядя на усталые, но счастливые лица пилотов; радовался, что здесь, в этом укромном таёжном месте, как и раньше, люди живут вместе, когда человек человеку друг, и что всё, как и в детстве, почестному – здесь не было дельцов и бандитов, заживевших банкиров и лохов. Там, на западе, был враг – и он будет разбит! Так было всегда, когда они играли с ребятами в войнушку.

Дед сел у костра, смахнул с щеки счастливую слезу и во все горло грянул:

Броня крепка, и танки наши быстры,
И наши люди мужества полны,
В строю стоят советские танкисты,
Своей великой Родины сыны.

На следующий день Семёнчик доставил притихшего Лёху домой. Рядом с дедовой избой стоял «уазик» Степана. У внука был свой кооператив в городе. С ранней весны ездил он по деревням, договаривался с пасечниками о ценах на мёд. У старика он был редким и недокучивым гостем. И никогда не заезжал в разгар заготовки мёда, а тут – случай неординарный, прикатил в июле. Дед любил своего внука, но занятие его никак не мог принять. Вот и сейчас начал внуку мораль читать:

– Тебе, Степан, твоё богатство глаза застило. А человек, он для того и есть, чтобы внутрь себя заглянуть, понять, кто он таков и для чего чадит на свете белом. Вот если поймёт он это, тогда каждый божий день будет для него дороже злата-серебра...

Так и уехал Степан, не выведав, чего это дед в тайгу с лопатой шастает.

А на следующий день Семёнчик слёг. Вытянула тайга силы из деда, забрала сырыми ночами. Не знай Никитична новую привычку своего соседа уходить надолго в тайгу, наведалась бы к старику, но случилось так, что деда поздно хватились. А виной всему гражданский самолёт, что с начальством из области как снег на голову сел на дедову полосу. Много шума наделала эта аварийная посадка. Самолёт тот в город летел, когда в пути что-то случилось с двигателем. Пилот АН-28 сразу смекнул – кто-то приводил в порядок пляж у речки. «Сесть негде – тайга. Гляжу: речка чёрточкой блестит и пляж – ни кустика, ни деревца, чистый, ровный, как подгадал кто! Я на круг, а потом на глассаду», – рассказывал он потом журналистам.

Не случись этого – не спас бы он ни машины, ни пассажиров, что летели этим рейсом. В деревню репортёры из города понаехали. Местные газетчики подняли шум: что да как, кто герой? Тут Лёха про деда Семёна и вспомнил.

Очнувшись от горячки, дед удивлённо поглядел на скопление народа вокруг него, казалось, лопнет его изба от такого количества людей. У кровати хлопотали врачи в белых халатах, репортёры с фототехникой, чиновники в строгих костюмах, деревенские... Но пуще всего он удивился человеку в лётной форме, что сидел напротив, и его тревожным, цепким глазам. Эти глаза он узнал бы из тысячи других когда-либо виденных им за всю его долгую жизнь. С каким нетерпением каждый раз он ждал, когда этот усталый недоверчивый взгляд серых глаз из-под лётного кожаного шлема засветится приветливо и хриплый голос весело скажет: «Ради такого дела – отведаем «второго фронта».

– Терентьев? – слабый голос Семёна был едва слышен.

– Терентьев, – в свою очередь, удивленно пробасил пилот. – Откуда известна моя фамилия, дедушка?

Семён окинул потухшим взглядом комнату, стараясь не пропустить ничего лица, посмотрел на Лёху, репортёров. Вдруг глаза деда осветились догадкой.

– Посадил? – одними губами спросил он пилота.

– Посадил, дедушка, посадил! Скольких людей вы спасли!

– Мы спасли, – шептали губы Семёнчика, – и ещё дед твой – лейтенант Терентьев.

– Вы знали его? – от удивления пилот даже привстал со стула.

– Знавал, – слова давались Семёну с трудом, – он тебе гостинца передал: второй фронт. Там, на столе...

Деда увезли в районную больницу. После врачи говорили, что на день бы раньше... «Кто ж знал?» – разводила руками Никитична, утирая кончиком платка накотившую слезу. Сердобольная соседка хотела взять к себе Умку, но пёс куда-то пропал. Как-то осенью охотник, тот, что с дальней займки, рассказывал: в тайге, аккуратно на той речке, где самолет недавно сел, видел он черного пса с белым «бланшем» под правым глазом – бока впалые, одна кожа да кости. Тощий пёс сидел недвижно. Вытянув вперед черную как смоль морду, прислушивался. Будто ждал чего-то...